

2. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – 3-е изд., стер. – М., 2014. – 160 с.

3. Вознесенская, М. М. Интертекстуальный тезаурус литературного персонажа (на материале романа Валерия Залотухи «Свечка» / М. М. Вознесенская // Русская речь. – 2020. – № 5. – С. 27–38.

Leshchenko Valentina

Yanka Kupala State University of Grodno
e-mail: leshchenkovalentina@gmail.com

The article deals with the features of the manifestation of intertextuality in journalistic texts of the famous Russian writer Y. Polyakov. The main attention is paid to precedent statements, which are analyzed from the point of view of sources of borrowing, marking, representation of input operators of intertextual elements, the presence of elements of metalinguistic characteristics.

Keywords: intertextuality, precedent text, precedent phenomenon, journalistic text, Yu. Polyakov's journalism.

УДК 81'42+316.772.2

М. П. Жигалова

**ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕРБАЛЬНОГО
И НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНА М. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»)**

Предлагается дискурс-анализ психологии героев, который является эффективным способом развития эстетических чувств читателя, приобщения его к более тонкому, глубокому восприятию произведения. На примере текстовых фрагментов романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» показано использование таких приёмов вербального и невербального общения читателя, автора и персонажа, как психологические наблюдения; психологическая партитура переживаний героя; цветовой спектр чувств; словарь описаний голосов, жестов, мимики, взглядов героев; психологическое досье. В процессе чтения текста обращено внимание на речевые высказывания героев и их оформление, детали текста, которые объясняют не только мотивы их поступков, но и характеры. Анализируя интонационные особенности речи героев, своеобразие построения фраз и предложений, тональность, читатель сможет уловить подтекст, а значит, будет способен тоньше, глубже, полнее интерпретировать прочитанное, в котором открываются новые грани мотивов поведения и оттенки переживаемых героями чувств. Дискурс-анализ психологии героев дает возможность не просто читать художественный текст между строк, постигая идейный смысл произведения, его подтекст, а извлекать из подтекста то, что побужда-

ло бы фантазию читателя, давало бы возможность творчески подходить к восприятию содержания, объяснять причины событий или явлений, поступков героев, их душевных переживаний, находить в тексте то, что обращает читателя к анализу собственного внутреннего мира, рождает способность откликаться на те нравственные сигналы, которые посылают герои. Все это помогает не только познать характеры персонажей, уделить при чтении внимание деталям художественного текста, постичь индивидуальный стиль писателя, но и выработать систему отношений к миру, людям, себе.

Ключевые слова: текст, анализ, вербальное и невербальное общение, приёмы, психология.

Прежде чем говорить об использовании дискурс-анализа в работе с художественным текстом и познанием психологии героев, обратимся сначала к самому понятию и истории его возникновения и развития.

Впервые понятие «дискурс» употребил Зелинг Харрис в 1952 году, определив его как «текст», и ввел понятие дискурс-анализа как «метода анализа связной речи». Но как новое направление в гуманитарных науках дискурс-анализ возник в середине 60–70-х гг. XX века во Франции, соединив в себе лингвистику, критическую социологию и психоанализ в рамках развития структуралистской лингвистики. Основоположники данного направления в науке Л. Альтюссер, Р. Барт, Ж. Лакан, Р. Якобсон и др. сформировали целую отрасль знания – «школа дискурс-анализа» [8; 9].

В 1970–1980 гг. дискурс-анализ становится междисциплинарным и включает уже аспекты из разных областей знаний. М. В. Йоргенсен и Л. Филлипс определяют дискурс как «использование языка в повседневных текстах и общении, а также динамическая форма социальной практики, которая строит социальный мир, личности и идентичности» [5, с. 1–30; 7, с. 243–289].

В то же время Е. В. Переверзев и Е. А. Кожемякин определяют дискурс как определенную последовательность высказываний, созданную в исторических и социальных рамках, которая «способна повлиять на модели субъективного опыта человека, его внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение» [6].

Заметим, что дискурс-анализ прослеживается в различных областях гуманитарного знания: этнопсихологии, лингвистике, социологии, философии. И в настоящее время ведется полемика о многообразии вариантов трактовки данного понятия в рамках подходов,

разработанных представителями разных школ. Мы будем опираться на работы Л. Н. Синельниковой и классификацию подходов Е. С. Кубряковой, которая для упрощения интерпретации понятия «дискурс» выделила разные: «структурно-синтаксический (дискурс как фрагмент текста), структурно-стилистический (дискурс как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечетким делением на части, господством ассоциативных связей, спонтанностью, ситуативностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой), коммуникативный – дискурс как вербальное общение, как диалог, беседа, диалогическое высказывание, «либо как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции» [4].

В нашем понимании, *дискурс* – это разные способы присвоения читателем значений, которые играют ключевую роль в осмыслении не только текста и психологии поступков героя, но и образа целого мира. То, как мы при прочтении текста и после воспринимаем и понимаем слова, фразы, интонации, жесты, мимику, и то, что мы считаем основным для нашего читательского понимания и высказывания в ходе обсуждения, вызывает определенную реакцию на окружающих и оказывает влияние на нашу жизнь, на формирование мировоззрения, то есть на создание читательского дискурса.

В таком случае возможно использовать дискурс-анализ как исследование значения текстов [3, с. 119–123], в том числе и скрытых, таких, как включение контекста его создания, реакции на них слушателя или читателя, возможные интерпретации их читателем.

Конечно, единой версии дискурс-анализа не существует. Его можно применять и к естественно происходящим, и к специально организованным формам разговора, и к текстам, в том числе, к художественным. Но общим является то, что анализу подвергаются слова, которые могут дать возможность исследователю сравнивать, сопоставлять, анализировать. В связи с этим возможны различные интерпретации текста [2].

Покажем отдельные фрагменты такого анализа (*психологические наблюдения и психологическая партитура переживаний героя*) на примере изучения романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Известно, что научить старшеклассников постигать проблемы художественного произведения, характеры героев, то есть читать текст, обращая внимание на детали, – задача не из легких, так как

истинная прелесть и мудрость содержания откроется школьнику-читателю лишь в том случае, когда он научится улавливать тончайшие импульсы мысли художника, которые не лежат на поверхности. А значит, нужно научить учеников читать вдумчиво, не пропуская без внимания ни малейшей детали. Важно обращать внимание на язык, форму выражения мыслей, построение фраз, интонацию, в которой угадывается отношение к явлениям действительности, выявляются черты того особенного, своеобразного, что несет с собой индивидуальное видение жизни.

Нужно научить анализировать и характер персонажа, который проявляет себя не только в поступках, делах, но и в речи, ее интонационных особенностях, своеобразии построения фраз и предложений. Все эти детали текста и создают общий тон произведения. И если этот тон читатель смог уловить, то он способен тоньше, глубже, полнее интерпретировать художественный текст, в котором открываются новые грани и оттенки переживаемых героями чувств.

Эффективным способом в этом является, на наш взгляд, психологический анализ и его приёмы. Такой разбор дает возможность не просто читать художественный текст между строк, постигая идейный смысл произведения, его подтекст, а извлекать из текста то, что побуждало бы фантазию читателя, давало бы возможность творчески подходить к восприятию содержания, объяснять причины событий или явлений, поступков героев, их душевных переживаний, основной идеи произведения.

Дискурс-анализ психологии героя побуждает читателя находить в тексте то, что ведёт к анализу собственного внутреннего мира, рождает способность откликаться на те нравственные сигналы, которые посылают герои, подмечать переживаемые ими чувства, мотивы их поведения, характер взаимоотношений. Все это помогает не только познавать характеры героев-персонажей, уделять при чтении внимание деталям художественного текста, постигать индивидуальный стиль писателя, но и выработать собственную систему отношений к миру, людям, себе. Приёмы дискурс-анализа в этом случае могут быть самыми разнообразными: *психологические наблюдения читателей; составление психологической партитуры переживаний героев; ведение дневниковых записей; психологические комментарии и этюды (в виде сочинения-анализа отдельного эпизода или главы, сочинения-рассуждения, сравнительной харак-*

теристики героев); психологический словарь голосов, взглядов, улыбок, жестов, интонаций героев как средство изображения их душевного состояния; режиссерский комментарий; составление графика динамики чувств героев; цветовой спектр чувств; психологическое досье.

В силу ограниченности объёма, рассмотрим фрагментарно лишь некоторые приёмы дискурс-анализа (*психологические наблюдения читателей и составление психологической партитуры переживаний героев*), которые могут использоваться при анализе внутреннего мира героев [1, с. 48–65].

Так, делая анализ сюжетно-композиционной линии Иешуа – Понтий Пилат, выявляя проблему добра и зла, уместно использовать *психологическую партитуру переживаний героя и психологические наблюдения читателя* как способ глубокого проникновения во внутренний мир героев и объяснение мотивов их поступков. Это позволит не додумывать ответ, а объективно найти его в тексте, используя языковые формы и выражения. Предлагается ответить на вопросы:

1. Почему обстоятельства оказались выше желания прокуратора спасти проповедника?
2. Почему Иешуа был выше этих обстоятельств?
3. Была ли у Пилата возможность выбора, почему он все-таки выбрал зло?

Отвечая на эти вопросы, можно использовать такой приём психологического анализа, как составление партитуры переживаний. Необходимо одновременно проанализировать и чувства самого читателя, возникшие как отклик на события, происходящие с героями. Важно, чтобы при обсуждении малодушно-предательского поступка прокуратора читатель смог прочувствовать всю сложность этого образа, ответственность положения героя, противоречивость переживаемых им чувств.

С помощью психологической партитуры переживаний Иешуа и Понтия Пилата (см. ниже), составленной по второй главе романа, читатель понимает, что Пилат вовсе не такое «свирепое чудовище», как о нем говорят. Он проницателен, способен глубоко и сильно чувствовать. В его словах, глазах, голосе улавливаются самые разнообразные чувства, особенно, когда наступает решающий момент утверждения смертельного приговора, – это и *безнадежность в*

тоне, и тоска в глазах, и ярость в голосе и отчаяние в действиях и жестах. При этом мы можем наблюдать, как успокаивающе и исцеляюще действуют на него слова Иешуа. Комментарий (с включением элементов наблюдения за чувствами читателя) и психологическая партитура переживаний Иешуа и Понтия Пилата, предлагаемая читателем после прочтения 2 главы романа, свидетельствует о том, что Пилат – человек страдающий, ожесточенный болезнью и непониманием, скованный своей властью, но главное, – одинокий, умный, глубоко чувствующий. Подтверждение находим в созданных читателем комментарии и партитуре переживаний, которые даются нами здесь в сокращении:

*Как только Булгаков вводит нас во дворец Ирода Великого и знакомит с Понтием Пилатом, сразу бросается в глаза царящая здесь атмосфера какого-то непонятного беспокойства или неустроенности. Болезненное состояние Пилата подтверждает это («опять начался приступ гемикрании, при которой болит полголовы»). Итак, впервые встречаясь с прокуратором, мы видим его **раздраженным**. Чувствуется также, что обитатели дворца и приближенные привыкли к жесткости и резкости его характера. Разговаривая с приведенным к нему арестантом, он перебивает того на полуслове, когда Иешуа обратился к нему: «Добрый человек...», Пилат заявляет, что в Ершалаиме все шепчут про него: «свирепое чудовище», «и это совершенно верно». В подтверждение своих слов Пилат вызывает кентуриона, грозного Марка Крысобоя: «Преступник называет меня «добрый человек...» Объясните ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить». **Жуткое чувство возникает у читателя.** Что касается арестованного, то сразу появляется чувство симпатии к нему. Читателя подкупает способность Иешуа оставаться внешне спокойным. Жестокое, несправедливое наказание, кажется, даже не вызвало в нем негодования. Он просто, как ребенок, просит кентуриона в ответ на его грозный тон и холодные слова: «Я понял тебя. Не бей меня». **Это простодушие в обращении вызывает в душе читателя интерес и уважение к нему.** В дальнейшем искренность и непринужденность его беседы с Пилатом полностью захватывает читателя.*

В ходе спора с бродячим философом прокуратор смягчается, а вместе с этим спадает и эмоциональное напряжение. Оказывается, что Пилат более человечен, чем казалось вначале, и не так уж

и грозен. Теперь **читателем овладевает любопытство**: чем же закончится эта необычная беседа-поединок могущественной власти и простого бескорыстия. И сам Пилат не может не признать себе в том, что ему интересно и даже приятно разговаривать с этим человеком. Ведь «проще всего было бы изгнать с балкона этого странного разбойника, произнеся только два слова: «повесить его». Однако прокуратор не делает этого. Когда же Иешуа неожиданно и очень пронизательно разъясняет прокуратору причину его страданий («истина прежде всего в том, что у тебя болит голова... Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня...»), **Пилат сражен окончательно**.

Постепенно речь философа становится все более свободной и смелой. Он уже предлагает погулять в саду и поделиться мыслями, которые были бы Пилату полезными, «тем более, что он производит впечатление умного человека». Неслыханная дерзость! Но эта смелость речей Иешуа вызывает чувство восхищения у читателя, а реакция на его искренность свирепого прокуратора – еще большую симпатию к нему. Прокуратор понимает, что перед ним мудрый человек, с которым можно разговаривать, как с равным, но гордость и высокое положение обязывали Пилата дать почувствовать арестанту свое превосходство и власть над ним: «Ну, поклянись, хотя бы жизнью своею, ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!». Однако кроткий и беззащитный Иешуа видит в Пилате не прокуратора, а прежде всего человека – ожесточенного от болезни, непонимания, но главное одинокого, умного и доброго. Именно с ним он разговаривал все это время. Не с вершителем судеб, а с человеком, подобным себе.

Именно по этой причине прямота ответа Иешуа поразила прокуратора своей дерзостью: «Не думаешь ли ты, что ты ее (жизнь – Прим. авт.) подвесил, игемон? Если это так, ты очень ошибаешься». В этот момент чувствуется, что **Пилат борется с собой**. «Он вздрогнул и ответил сквозь зубы: «Я могу перерезать этот волосок». И с этого же момента у **читателя появляется опасение**, что Иешуа может навредить сам себе. Однако игемон силой воли подавляет возникшее возмущение и продолжает расспрашивать арестованного. Необычность рассуждений Иешуа о том, что «злых людей нет на свете» и пояснение этой мысли вновь **привлекают внимание** прокуратора. Он **успокаивается**. Успокаивается

и читатель, но тревога за судьбу Иешуа все же не исчезает полностью. Слушая бродячего философа, Понтий Пилат все больше **убеждается в невиновности** его «и в голове сама собой сложилась «формула»: «игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нем не нашел. В частности, не нашел ни малейшей связи между действиями Иешуа и беспорядками, произошедшими в Ершалаиме недавно. Бродячий философ оказался душевнобольным. Вследствие этого смертный приговор...прокуратор не утверждает...». Здесь **мы невольно радуемся за прокуратора и за Иешуа**. И вдруг оказывается, что тучи не рассеялись, а только начинают сгущаться над головой арестанта: – Все о нем? – спросил Пилат у секретаря. – Нет, к сожалению, – неожиданно ответил секретарь и подал Пилату другой кусок пергамента. – Что еще там? – спросил Пилат и нахмурился. Вот здесь действительно так и хочется воскликнуть: ну что еще?! Откуда он взялся, этот второй пергамент? Он все испортил! Это же чувствует и сам прокуратор, который всем существом **пытается предотвратить опасность**, снизойдя до того, что даже посылает знаки Иешуа. Поэтому **чувство волнения и тревоги возрастает**. Тем более, что у прокуратора возникает страшная галлюцинация, которая как будто предвещает беду: «Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедавшая кожу и смазанная мазью, ...вдали, как будто, проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...». Рассказ Иешуа о том, про что и как говорил он с Иудой из Кириафа порождает у Пилата настроение **безнадежности**. Он чувствует, что **теряет шансы на спасение наивного арестанта**. Ах, если бы они были одни! Чувство **тревоги** перерастает в **сожаление** о том, что Иешуа собственными словами подписывает себе приговор. Но в то же время **чувство уважения и восхищения арестантом у читателя усиливается** – настолько человек непоколебим в вере своей и любви к людям.

Весь диалог читается на одном дыхании, и вместе с Пилатом мы готовы кричать: «Оно никогда не настанет царство истины, потому что такой человек, как ты, будет казнен!» В этом разго-

воре все очевиднее становится обреченность Иешуа, и нам понятно **отчаяние** прокуратора, вышедшего из себя и прогнавшего конвой и секретаря. Однако было поздно: показания уже записаны. И, кто знает, скорее всего, это отчаяние побудило его закричать страшным голосом: «– Преступник! Преступник! Преступник! И сразу же им овладела тоска». «– А ты бы меня отпустил, ижемон, – неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, – я вижу, что меня хотят убить».

В момент приговора у читателя возникает острое чувство несогласия с происходящим. Мы видим **жестокость** прокуратора – он же, понимая это, чувствует и свое **бессилие** изменить положение вещей. «Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты?.. Или ты думаешь, что я готов занять твое место? Я твоих мыслей не разделяю!». Этот ответ прокуратора наполняет его образ особым психологизмом и придает всей сцене приговора высокую эмоциональную напряженность... Интересно, что Пилат не успокаивается, что было бы очевиднее всего, а наоборот, **суета и смятение** еще больше овладевают им. Он устраивает свое свидание с президентом Синедриона Каифой. **Разговор с первосвященником был последней надеждой на спасение Иешуа, и мы видим, что Пилат приложил к этому все старания.** Но, убедившись, что и эта последняя надежда рухнула, его охватывает **тоска**, перерастающая в страшный **гнев бессилия**. Прокуратор, как никогда **осознавая свою вину и предвидя страшные муки совести**, после произнесения последних слов первосвященника («И в третий раз мы сообщаем, что освобождаем Вар-равана») испытывает почти **ярость** к нему за его непреклонность и за то, что растоптал эту последнюю надежду. И почти не владея собой, к великому удивлению Каифы, изливает эту ярость на последнего. «И с каждым словом ему становилось легче и легче...» **Прокуратором овладевает открытое негодование:** «Вспомнишь ты тогда спасенного Вар-равана и пожалеешь». Но удивленный и раздраженный этой непонятной вспышкой гнева, первосвященник дает понять, что никакой гнев и угрозы не предотвратят казни: «...Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвел народ под римские мечи! Но я, первосвященник иудейский, куда жив, не дам на поругание веру и защиту народ!..». В свою

очередь, мы, читая эту сцену, также испытываем чувство негодования от того, что не нашлось силы, способной предотвратить эту чудовищную и нелепую несправедливость. Здесь эмоциональный накал чувств достигает своего апогея.

*Направляясь к помосту и произнося слова приговора, Пилат даже не смотрит в сторону преступников. Он только чувствует их присутствие. Но, произнося имя Вар-равана, он все же **испытывает мучительные колебания**, проверяет, все ли он сказал. Он **медлит**: все его существо **противится** его словам. И после этой паузы – «солнце лопнуло над ним и залило огнем уши». «Он ничего не видел. Ему это и не нужно было. Он и так знал, что за его спиной конвой уже ведет на Лысую Гору Га-Ноцри, которому сам прокуратор произнес смертный приговор и которого более всех хотел видеть живым».*

*Когда читаешь эти строки, **чувство негодования и ужаса** как бы **замирает и медленно «оседает на дне души»**. **Напряжение уходит** вместе с удаляющимся прокуратором и его сопровождающими. Читателю остается невольно наблюдать за происходящим.*

Как видим, партитура чувств помогает и читателю объяснить себе, почему, выбрав зло, Пилат вызывает у него не только отвращение, презрение, негодование, но и сожаление о его слабости, сочувствие его судьбе, обреченной на вечные душевные муки и осуждение.

Для более наглядного представления о сложности и трагичности образа Понтия Пилата можно использовать ещё график переживаний и чувств героя, которые определяются по ходу чтения значимых фрагментов текста. Это *гнев, бессилие, бешенство, ярость, негодование, раздражение, возмущение, досада, сожаление, смятение, беспокойство, тревога, тоска, любопытство, заинтересованность, эмоциональное равновесие*, из которого видно, что до того момента, когда он читает второй пергамент, оказавшийся роковым и для Иешуа, и для самого прокуратора, чувства последнего находятся на спаде. Лишь один раз Пилата охватывает острое чувство **смятения** в разговоре с Иешуа, когда он начинает осознавать невинность арестанта и безвыходность своего положения.

Но Пилат быстро успокаивается, и мы чувствуем, как все больше завораживают и привлекают его наивные, искренние и смелые слова бродячего философа. Когда Пилат начинает читать второй

пергамент, внутренний конфликт прокуратора обнажается. *Начинается настоящая война Пилата-человека с Пилатом-прокуратором.* Мы видим, что от эпизода к эпизоду чувства его меняются с поразительной быстротой. Он испытывает все: *от тревоги и беспокойства, до безнадежности и гнева, когда осознает свое бессилие что-либо исправить.* Целую гамму светлых чувств вызывает у нас Иешуа. Анализ их позволяет выявить в этом персонаже такие качества его души, в сравнении с которыми образ Пилата представляется еще более трагичным, а поступок, совершенный им, – достойным презрения.

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурс-анализ следует рассматривать как способ взаимодействия вербального и невербального общения читателя с автором и героями произведения. Он позволяет не только детально познать текст, понять и выразить значение прочитанного, но и постичь подтекст, с помощью сопоставления фактов корректировать прочитанное и осмысленное, а значит, формировать мировоззрение и жизненную позицию читателя.

Список литературы

1. Жигалова, М. П. Русская литература XX века в старших классах : пособие для учителей общеобразовательной школы / М. П. Жигалова. – Минск : Аверсэв, 2003. – 220 с.
2. Жигалова, М. П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика : моногр. / М. П. Жигалова ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – 2-е изд., доп. – Брест : БрГУ, 2011. – 269 с.
3. Жигалова, М. П. Дискурс-анализ художественного произведения в процессе повышения квалификации учителей русского языка и литературы (на примере интерпретации и анализа белорусским читателем стихов берлинского поэта XXI века Г. Аросева / М. П. Жигалова // Гуманитарные науки : науч.-практ. журн. – 2018. – № 3. – С. 119–123.
4. Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова. – М., 2000.
5. Harris, Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language. – 1952. – Vol. 28. – P. 1–30.
6. Сарна, А. Я. Дискурс-анализ. Гуманитарная энциклопедия / А. Я. Сарна. – М. : Центр гуманитарных технологий, 2002–2018.
7. Van Dijk, T. Principles of Critical Discourse Analysis / T. Van Dijk // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4 (2). – P. 243–289.
8. Филлипс, Л. Дискурс-анализ: теория и метод : пер. с англ. / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков : Центр гуманитар. знания, 2004. – 336 с.
9. Шевченко, А. Ю. Дискурсивный анализ материалов массовой коммуникации / А. Ю. Шевченко // Вестн. Рос. ком. ассоциации. – 2002. – Вып. 1. – 200 с.

Zhigalova Maria

Brest State Technical University
e-mail: zhygalova@mail.ru

The article offers a discourse analysis of the psychology of the characters, which is an effective way of developing the aesthetic feelings of the reader, introducing him to a more subtle, deep perception of the work. Using the example of text fragments of M. Bulgakov's novel «The Master and Margarita», the use of verbal and nonverbal communication techniques of the reader, the author and the character is shown, such as: psychological observations; psychological score of the hero's experiences; color spectrum of feelings; dictionary of descriptions of voices, gestures, facial expressions of the characters' views; psychological dossier. In the process of reading the text, attention is paid to the speech utterances of the characters and their design, the details of the text, which explain not only the motives of their actions, but also the characters. Analyzing the intonation features of the characters' speech, the peculiarity of the construction of phrases and sentences, tonality, the reader will be able to catch the subtext, which means that he will be able to interpret what he has read more subtly, more deeply, more fully, in which new facets of the motives of behavior and shades of feelings experienced by the characters open up. The discourse analysis of the psychology of heroes makes it possible not just to read an artistic text between the lines, comprehending the ideological meaning of the work, its subtext, but to extract from the subtext what would encourage the reader's imagination, give the opportunity to creatively approach the perception of content, explain the causes of events or phenomena, the actions of the heroes, their emotional experiences, find in the text what turns the reader to the analysis of his own inner world, gives rise to the ability to respond to those moral signals that the heroes send. All this helps not only to know the characters of the characters, to pay attention to the details of the literary text when reading, to comprehend the individual style of the writer, but also to develop a system of relations to the world, people, yourself.

Keywords: text, analysis, verbal and nonverbal communication, techniques, psychology.

УДК 811.11

М. В. Ерещенко

КОНСТРУИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Актуальность исследования обусловлена изменениями, происходящими внутри медийного дискурса. Метафора, отражая фундаментальные культурные ценности, культурно-национальные особенности, реагирует на коммуникативные установки адресата. Культурно сформированные когнитивные схемы предоставляют рамки для объяснения причинно-следственных связей человеческих действий в социальном мире.

Ключевые слова: метафора, медиадискурс, русская национальная культура, отмена культуры.